

Эпикурец из Кашино

В самых тупиковых жизненных ситуациях писатель Владимир Блинов не отчаивается, а придерживается принципа «Богу надо помогать»

Ирина КЛЕПИКОВА

В глубоком детстве мама предлагала ему молоко в кружке с портретом Пушкина и приговаривала: «Вот Пушкин молочко пьёт, и ты, Володюшка, пей». Возможно, улыбается он сегодня, из общей с Поэтом кружки – любовь к Слову. Однако литература – не единственная страсть известного прозаика и поэта Владимира БЛИНОВА. Он член трёх творческих союзов – писатель, архитектор, журналист. И это уникальное, по крайней мере для нашего региона, факт.

– И всё же, если бы категорически – остаться только в одном Союзе, то это был бы...

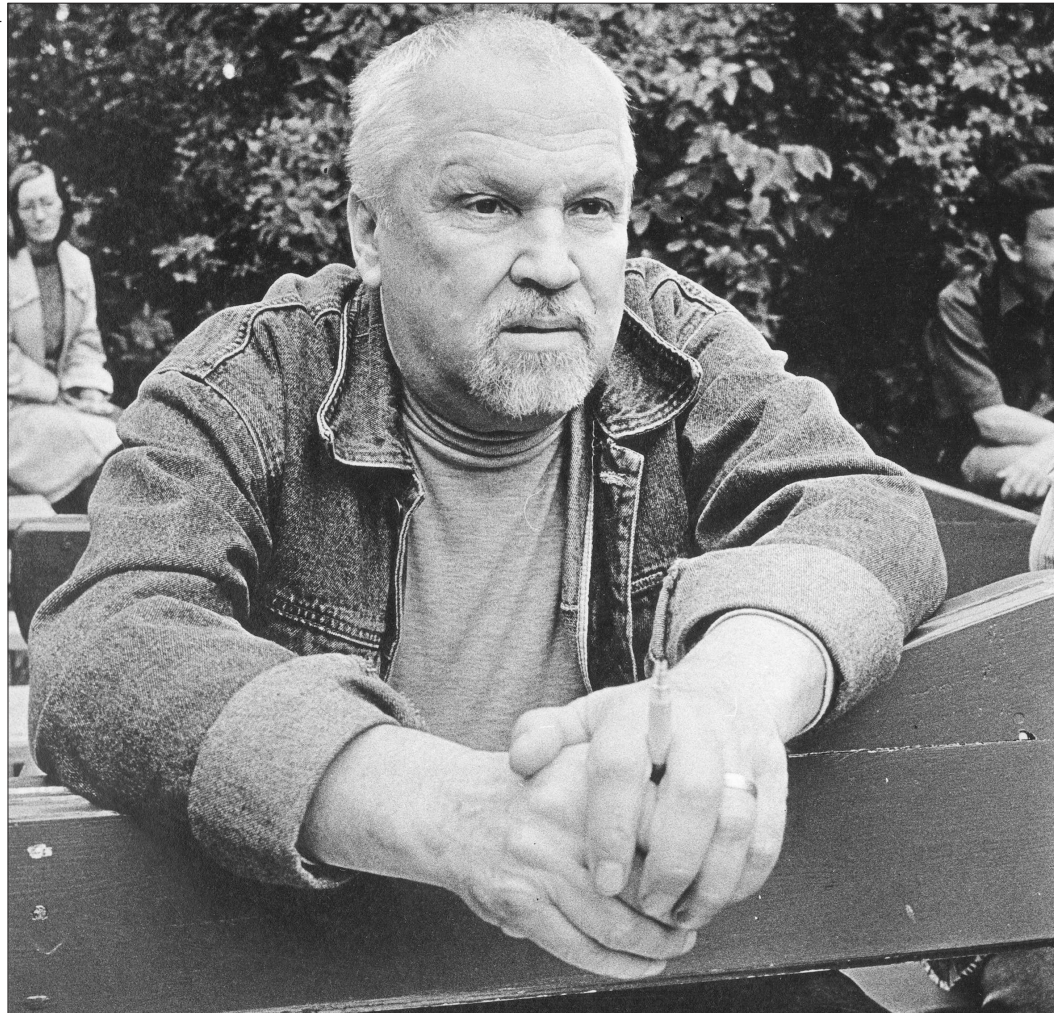
– Союз писателей! Он всё-таки самый родной мне... В Союз журналистов я вступил в 74 года! Зачем? Для меня это было воплощение юношеских мечтаний: хотел быть журналистом. Ровно 60 лет назад, в 1958-м, первая публикация в «Вечернем Свердловске», потом публикации в «На смену!», «Уральском рабочем». С 2006-го был сокором «Литературной газеты» по Уралу. Журналистика дорога мне своей острой включённостью в жизнь. Помню, сидим мужской компанией в «Уральском рабочем», а художнику Лёне Черных приносит снимок, и он что-то начинает быстро штриховать. В чём дело, спрашиваю. «Срочно в номер! ТАСС прислал фото – завтра запускают космонавта...» Вы же первыми всё узнаёте. Это так интересно!

– Не потому ли многие ваши книги – проза нон-фикшн? Герои – скульптор Эрья, изобретатель велосипеда Артамонов, студент УПИ Немелков, выступивший в 1956-м с критикой партийной номенклатуры, требованием свободы слова... Реальные судьбы и сюжеты.

– «Любовь и маета Артамонова Тагильского», «Автограф в камне», «Последняя сказка для Алёнушки» (про Мамину-Сибиряка)... Да, получилась целая серия художественно-документальных повестей. На реальном материале, и всё же это – художественные произведения, а они предполагают сочинительство, образность, метафоричность. Как автор имею право на вымысел и домыслы. Но пределы вымысла – вечный спор, сомнения для писателей, работающих в такого рода литературе. Надо чувствовать грань дозволенного. Помню, сильно спорил с Феликсом Вибе, когда он написал повесть о Грэм-Грэмзилло. По его мнению, в документальном вещах никакого вымысла не может быть, а я доказывал: Грэм – не только инженер, но человек, ведь он, наверное, любил кого-то. Нельзя же просто написать «Любил». Это как-то выражалось: может, дарил сирень, лазил за ней через забор... Все эти сомнения – вопрос уже художественной этики.

– А вы его, между прочим, тратили ещё на составление энциклопедии мата. Понимаю: выразительное литературное средство, но...
– Сам не матерюсь. И очень не люблю, когда мат употребляется бессмысленно. Это в студенчестве мы с другом Феликсом Шевелевым ради забавы начали вспоминать такого рода словечки. И даже страничек 80 набрали. Сформировали словарь, который, как и положено толковому словарю, объяснял, например: б. – это женщина легкого поведения. Сделали пять экземпляров словаря. Но потом, оставив себе по одному, остальные сожгли в общежитии, в замаскированном тазу. Узнали бы в институте – выгнали бы.

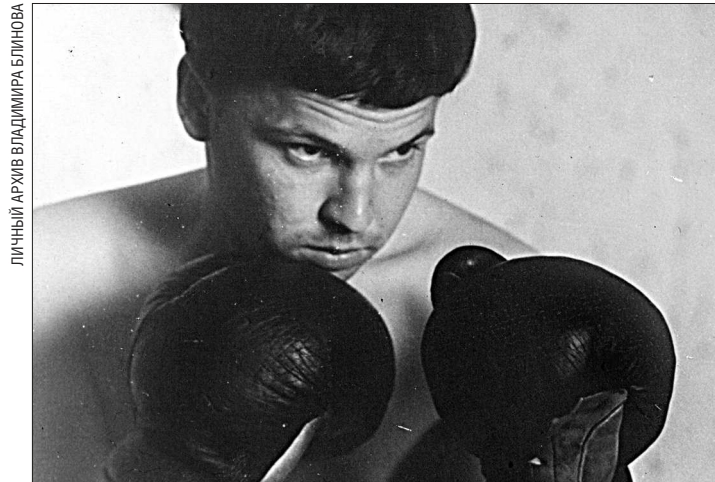
– Не позже мне впрямь стало интересно: этимология, употребление мата, и я занялся этим системно. С научным подходом. Да, антикультура, но она существует в нашем народе. Так для чего мы материмся? Особенно – интеллигентны (я был свидетелем, когда Елена Боннер, жена Андрея Сахарова, публично крыла матом КГБ). О причинах возникновения мата я дважды делал выступления на международных конференциях в УрГУ. И однажды после такого выступления законодатель предложил мне сотрудничество для разработки закона против мата, типа как-то за это наказывать людей. Я отказался – на том основании, что мат (вот чудеса языка) в определённой ситуации может быть и выражением восторга. Например, деревенский мужик с компанией идёт в дом и видит такое застолье у хозяйки, что не в силах сдерживать положительных чувств: «Марфа, ты, твою мать, откуда такое взяла!» (смеётся). Мужик же хвалит её, что ж это за это – наказывать? Между прочим, Гоголь ходил по ярмаркам и собирал солёные словечки. И Даль собирал, хоть и не решился вставить в словарь. Но значимость, выразительность этих слов понимал. А ещё мат может быть и писательным. Великий литературовед Лотман рассказывал: на войне его засыпало землёй, контузия, пальцем пошевельить не может, но в сознании, умирая не хочется и на «ё... твою

В Ясной Поляне. Владимир Блинов бывал здесь трижды. Результатом стал поэтический цикл, посвящённый толстовским пенатам

1982 г. Владимир Блинов (справа) стал инициатором творческого визита на Урал поэта Евгения Евтушенко и его концерта в «Космосе». На втором плане – Г.Дробиз

1963 г. Увлечение студенческих лет

1939 г. Полторагодовалый Володя – в рубашке, вышитой мамой

1962 г. Еланские лагеря. Блинов – командир взвода средних танков

1990 г. С женой Татьяной и сыном Володей

КОСЫЕ ДОЖДИ. МЕТЕЛИ... И ЭТО НЕ ЛИРИКА – НАУКА!

В прошлом году у писателя В. Блинова вышла книга «Архитектурно-строительная экология». Учебник! И тут уместно вспомнить (а кто-то узнает впервые), что профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии Блинов – создатель кафедры экологии в УрГАХА. С его подачи министерство ввело и такой предмет в учебный процесс. Предмет был, кафедра была, а учебника не было. Книга Блинова – первый в России учебник такого рода для проектировщиков и архитекторов.

– В традиционном восприятии архитектура связана прежде всего с эстетикой. Но здание должно быть не только красиво и прочно. Если в окно редко заглядывает солнце, а рядом ещё и шумное шоссе – никакая супер-эвро-квартира не будет в радость. В архитектурно-градостроительной экологии сейчас даже есть направление «видеоэкология» – агрессивные факторы среды вроде краски, запущенного пустыря, сгоревшего леса или даже просто серого фона жилого квартала напротив с окнами-перфорками влияют на психику человека, и цветочками на подоконнике от них не прикроешься. Вообще-то, ещё со времён Витрувия, с его формулы «польза, прочность, красота» известно об экологическом комфорте. Но сейчас, когда проектируем-строим, мы больше думаем не об архитектурной, экологической пользе, а экономической. С пятачка земли стараемся выжать максимум дохода – откуда и пошла мода на небоскребы. Но большой вопрос – здоровая ли это обстановка для человека? «Все прогрессы реакционны, если рушится человек», – писал поэт Андрей Вознесенский. Вот об этом учебник, в котором, напри-

В архитектурной мастерской. Профессор Блинов за проектированием экографа

мер, есть главы «Снег как элемент городского ландшафта», «Косые дожди», «Метели. Закономерности снеготереноса и снеготоплений». И это не лирика – наука!

– Из «общей с Пушкиным кружки» – любовь к литературе. А какая тропка из детства повела в архитектуру?

– Любил рисовать. Помню, нашёл засохшие дореволюционные краски, две кисточки бабушка подарила – и пошёл. Сначала колябушки, а потом то известные репродукции переписывал, то свои натюрморты рисовал. Вообще, если бы не три уже обозначенные ипостаси, мне сплать всего было бы быть художником-живописцем. Это мне любопытно. Но в детстве невозможно было направить стопы в сторону изобразительного искусства: папа умер, когда мне пять лет было, мама крестьянка... Уже взрослым, закончив аспирантуру, смог позволить себе купить этюдник, масляные краски. Ходил на этюды, балдел от счастья – и думал: если меня это затанет (а уже затягивало), то брошу литературу. Одновременно понял: этим надо было заниматься раньше, уже не успеть достичь мастерства, каким обладают мои друзья-художники Засылкин, Волочин, Олег Земцов. Но вот на 80-летие подарили краски ленинградские – руки чешутся взять кисть...

«На безрыбье»

– В феврале вы были делегатом XV съезда Союза писателей. Писатель по сути своей – творец-одиночка. Во имя чего собираются литераторы со всей России?

– Накопилась масса проблем с точки зрения литературного процесса. В советское время мы были недовольны цензурой, когда без утверждения обкомом издательства нельзя было напечатать даже гениальную книгу. Сегодня полная свобода, зато и на писателей плюнули. Рухнули государственные издательства – где писателю издаваться?

Раньше была и неплохая социальная поддержка писателя – Дома творчества, гонорары. Нынешние гранты не спают. А как, например, зарабатывать писателю пенсию? В этой ситуации кто может и должен делать Союз писателей? Нужен ли он вообще сегодня? И какой?

И вот всё это на съезде НЕ обсуждалось! Никаких разговоров о творчестве! Отчётное собрание с выборами нового правления. Как не вспомнить времена, когда писательские съезды проходили не один день, присутствовала власть, а по итогам в «Литературной газете» шло обсуждение – например, проблемы современной поэзии, тенденции новой поэзии, классика драматургии на сцене. Это было не узковедомственные дискуссии, это было интересно широко кругу читателей. Однако ещё

на X писательском съезде Валентин Распутин обронил: чувство – это последний наш такой съезд, с профессиональным разговором о творчестве и состоянии общества. Как в воду глядел.

Новым председателем Союза выбрали Николая Иванова, хорошего писателя, героя-афанга, к стати – лауреата Станцевской премии. Непросто прийти (на этом посту нужен одновременно дипломат и мейнджер), но – надемся! В том числе и на сохранение «писательских гнезд», региональных Домов писателей. Помню, как мы отставали своей – выходя на улицу. На осыпав в центре города всегда много желающих...

– Можно, конечно, в особняк ещё одну торговую точку открыть, только ведь в этом доме работал Бажов! Входил, поднимался по лестнице... Когда берётесь за ручку двери, ощущаете «ручку Павла Петровича»?

– Конечно! Лет 16 я ездил в Пердерикино, где витает дух Пастернака, Солухина, Ахматовой. Не люблю модного слова «аура», но что-то такое есть – там здорово работало! И в нашем Доме писателя возникнет такое же чувство – причастности к святыням. Здесь я общался с Еленой Евгеньевной Хоринской, с Борисом Марьевым, Германом Дробизом. В одном стихотворении у меня есть строки: «Пока мы живы – живы и они...» Когда, случается, мы с коллегами собира-

ДОСЬЕ «ОГ»

БЛИНОВ Владимир Александрович родился 23 февраля 1938 г. в Свердловске. В 1963 г. закончил УПИ. Кандидат технических наук, профессор. Автор 230 научных трудов в области градостроительства. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Один из основателей Ассоциации писателей Урала. Лауреат премии им. Татищева и де Генина (2000), Всероссийской литературной премии им. Бажова (2006). Награждён орденом Почёта (2006).
Сыновья: Павел – строитель, Владимир – архитектор

БЛИЦ-ОПРОС

– Мелодия, способная исправить самое плохое ваше настроение?
– *Вивальди*. «Времена года». Занятия литературные предпочтения композитора: «Октябрь. Холодно. Все бегут и топчут ногами». А потом – тум-тум-тум... (напевает). Ещё обожаю песни и романы *Петра Лещенко*, «пластинчатого короля» (по выражению *Шалтыгина*).

– Любимое время суток? И почему?

– Утро. Занимается ещё один день. Хочется прожить его по *Айтматову* – «и дольше века длится день». Не всегда получается: обломовщина живёт в нас во всех. И всё же: деревья Кашино, утро, раскрытое окно, птицы поют и гнёзда вьют... Верите, мне иногда даже стыдно: никто их не заставляет, а они трудятся, что ж я-то дурака валяю?..

– Если почувствовали простуду, то – к врачу, таблетки или.

– Раньше водичка помогала (*смеётся*), сейчас – к врачу, но не сразу.

– Книга, над которой вы плакали?

– «Овод» *Войнич* и «Тяжёлый песок» *Рыбакова*.

– О твоях часто говорят: «Гвоздь забить не может».

– Я, может, и не такой мастеровый, как иные мои друзья, но могу и забор починить, и электричество. Всё моё детство и юность прошли в деревянном доме: огород, живность, печка, колонка...

– Неисполненные мечты детства?

– Велосипед. Жили бедно. Папы не было... Мне кто-то однажды сказал: «Может, ты потому и написал повесть об *Артамонове*, который изобрёл велосипед?».

– Писательские столы бывают двух «сортов»: видимый беспорядок, но хозяин точно знает, где какая бумажка, и «лысье» столы – хоть шаром покати...

– В одном ведомстве видел такой: чернильный прибор из Египта и один лист бумаги передо мной... Сам я не педант, у меня много бумаг на столе, но всё разложено по степени срочности и необходимости. Не люблю, кстати, когда кто-то из домашних пытается прибрать на моём столе.

– Какое чтение в эти дни возле постели, на ночь?

– Журнал «Урал» и «Опыт» *Монтеня*.

– Время чистки архивов – от чего вы ни за что не избавитесь?

– Старинные домашние фотоальбомы. Иные семейные фото – аж с XIX века.

бы позднее развить мысль. Такая литература есть у многих писателей. У Солухина – «Камешки на ладоши», у *Бондарева* – «Мгновения», у *Солженицына* – «Крохотки», у *Лотмана* – «Зачетки», у *Успенского* – «Записки Илья и Петрова» вошли в «12 стульев» и «Золотого телёнка». Большой образ может родиться из маленькой миниатюры, случайный встречный – стать главным персонажем повести.

– Владимир Александрович, а тут перечитала *Драйзера* и «Финансист», «Титан», «Стоик». Взглянув за трилогия «отдохнуть на хорошем слого» – и обнаружилась: как же всё актуально! Магнаты, концесии, передел сфер влияния во власти, подкуп СМИ... Что же современные писатели об этом не пишут? Всё больше сюжетки о любви, житейских мимолётностях...

– Года три назад мы разговорились об этом с приехавшей сюда *Еленой Камбуровой*: была как-то шестидесятники, барды, песни протеста – куда делась гражданская поэзия? В русской литературе всегда шли параллельно две струи – мощная лирическая (например, *Фет*) и гражданская (*Некрасов*, Маяковский, *Евтушенко*). Нет этого. И бардов нет. Может, в стол пишут? Когда-то у меня была повесть «Монастырская роща» – об архитекторах, столкновениях ценителей архитектуры и олигархов. Этот материал мне известен, но повесть не была опубликована. Сегодня за критику уже не посадят, но нет её. Нет социальных тем... Для меня роман – хоть бы рассказы на злобу дня выходили. Вспомню: в «Новом мире» был опубликован рассказ Солженицына «Для пользы дела» (студенты строят общежитие для техникума, радуются, но приезжают представители обкома партии и отбирают здание). Вот конфликт! Или у *Гранина* роман «Картина» (честный человек в аппарате обкома партии старается что-то изменить изнутри, а его изгоняют отговорами). А драма нашего *Бокарева* «Сталевады!» А пьеса «Премия Гельмана!» Были же конфликты, поднимались острые проблемы. Куда всё делось? Беда современной литературы. Да, подумайте ещё о чём...

«Роман без названия» и... солёные словечки

– У вас есть роман в одну строку – «Не надо, я сама». Издан отдельной книжечкой... Как у интеллигентного человека подобная мысль возникла, да ещё и реализовалась?

– Удивительное дело: у меня написано десять повестей, но критики – молчок. А «Роман без названия», состоящий из одной строки, был переведён на немецкий, французский, иврит, шведский – и только за одну неделю 30 тысяч отзывов, все читают. Кто-то ругает, кто-то ждёт продолжения, а кто-то предлагает поставить по нему... сериал. Репета, вы это серьёзно? Мне-то просто хотелось похулиганить в сериоте наших будней. Помните, у *Маяковского* – «А вы ноютки сыграть могли бы на флейте водосточных труб?». Вот я «сыграл». Кстати, у меня больше романов нет – только